

Голубева Евгения Владимировна

[ЦВЕТОКОНЦЕПТ КРАСНЫЙ "УЛАН" В ФОЛЬКЛОРЕ КАЛМЫКОВ](#)

В данной статье рассматривается репрезентация цветоконцепта красный "улан" в малых жанрах калмыцкого фольклора и калмыцком героическом эпосе "Джангар". Из ряда сакральных для калмыцкой культуры цветов автор выделил красный цвет в связи с особой значимостью. Используя элементы когнитивного метода, автор конструирует и восстанавливает национально-специфичный фрагмент цветовой картины мира калмыков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/1-2/6.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. II. С. 22-25. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/1-2/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

языковой единицы может быть экспрессивность как внеконтекстуальное свойство, под которой подразумевается выражение в словарном значении слова чувств, эмоций, отношений с различной степенью эксплицитности. В то же время благодаря необычному сочетанию слов практически любое выражение может быть экспрессивным. Как письменный и неспонтанный тип речи, экономический дискурс как бы «отфильтровывает» эмоции, то есть адресант дискурса СМИ старается не допускать их в дискурс. В таком случае эмоции, как правило, завуалированы в семантической структуре дискурсивных слов. Кроме того, для экономического дискурса характерны такие показатели эмоциональности речи, как членение на этапы, обращение к адресату, вопросительные предложения, в том числе и риторический вопрос (любое вопросительное по форме предложение считается более эмоциональным, чем повествовательное). Не любая оценка может быть эмоциональной, но выражение эмоций всегда свидетельствует о наличии в высказывании оценки. Т. В. Маркелова отмечает, что оценка является основой речевого акта, его мотивом, смысловым заданием, от которого зависит формирование высказывания. [Маркелова 1993: 59]. Исходя из концепции Т. В. Маркеловой, следует считать, что об оценочных высказываниях можно говорить лишь тогда, когда оценка составляет цель сообщения. Возникновение оценки зависит и от отношения субъекта речи к описываемой ситуации и определяется рамками норматива, в соответствии с которым выстраивается система ценностей индивида. Противопоставление положительной и отрицательной смысловых частей высказываний служит лингвистической базой для возникновения оценки и для разделения ее на положительную и отрицательную. Характер оценки (отрицательный или положительный) в экономическом дискурсе зависит от актуальности тематики, образующей основание оценки. В реализации оценок участвуют ключевые экономические слова, используемые автором. Они являются носителями минимально необходимой информации для понимания и декодирования оценки в структуре экономического текста СМИ. Дискурсивные единицы, несущие оценочный заряд, можно назвать оценочными структурами. Они представляют собой модель оценочности, состоящую из сегментов. За сегмент принимается семантическая единица с эксплицитной или возникающей под влиянием контекста семой оценки. Для нас представляется возможной следующая типизация оценочных структур: 1) структуры, содержащие лексические единицы с отрицательной оценочной семой: а) не обусловленные контекстом; б) реализующие отрицательную оценку только в определенном контексте, при этом сема отрицательной оценки обуславливается определенной коммуникативной ситуацией целостного значения; 2) структуры, содержащие лексические единицы с положительной оценочной семой: а) реализующие положительную оценку в определенном контексте; б) не обусловленные контекстом. Реальные ситуации оценки могут предполагать расширение такой типизации.

Список использованной литературы

1. **Ивин А. А.** Основания логики оценок. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 229 с.
2. **Маркелова Т. В.** Семантика оценки и средства ее выражения: Учебное пособие по спецкурсу. - М.: МПУ, 1993. – 125 с.

ЦВЕТОКОНЦЕПТ КРАСНЫЙ «УЛАН» В ФОЛЬКЛОРЕ КАЛМЫКОВ

Голубева Е. В.

Калмыцкий государственный университет (г. Элиста)

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Мушаевым В. Н. и к.ф.н. Артаевым С. Н.

В данной статье рассматривается репрезентация цветоконцепта красный «улан» в малых жанрах калмыцкого фольклора и калмыцком героическом эпосе «Джангар». Из ряда сакральных для калмыцкой культуры цветов автор выделил красный цвет в связи с особой значимостью. Используя элементы когнитивного метода, автор конструирует и восстанавливает национально-специфичный фрагмент цветовой картины мира калмыков.

Восприятие человеком красочности и многоцветности окружающего мира отражается в словарной системе любого языка в виде особого лексико-семантического объединения - цветообозначений. Будучи элементом общечеловеческой семиотической системы, цвет в то же время особым образом преломляется в частных знаковых системах отдельных культур и конкретных языков.

В концептах с компонентом «цвет» наглядно проявляется близость между языком и культурой. Появление новых цветоименований в материальной и духовной жизни общества ведет к возникновению цветоконцептов в языке. Отличительной чертой концепта с реализацией в прилагательном цвета является тесная связь с народным языковым сознанием, с одной стороны, и историческим отрезком времени - с другой. Поэтому цветоконцепт позволяет выявить характерные черты той или иной нации, того или иного типа языковой личности.

Данная статья посвящена анализу репрезентации цветоконцепта красный «улан» в калмыцком фольклоре. Безусловно, для каждой конкретной нации следует рассматривать всю цветовую палитру сакральных цветов, но объем статьи не позволяет этого сделать.

Красный цвет, наряду с белым и черным, находится в основе восприятия человеком мира, поэтому его рассмотрение в качестве одного из начальных этапов формирования цветовой картины мира представляется наиболее существенным при изучении традиционной культуры калмыков.

В. Н. Ткачев очень точно определил роль цвета в жизни народов-кочевников, к которым относились, как известно, и калмыки: «Для человека, образ жизни которого сформировали дальние перекочевки и чей мир не должен быть обременен обилием вещей, цвет как физическое качество предметов и пространства стал не только информатором, но и системой чувственных данных, положивших начало социальной символике и эстетическому мировоззрению степного общества. В бескрайних степных просторах визуальная информация - самое доступное и удобное средство дистанционного общения» [Ткачев 1984: 107].

Географические и климатические условия жизни калмыков повлияли на «характер» цветовой палитры: «На протяжении большей части года степь - скупой источник цветовых ощущений... Скупое отмеренная цветовая пища для глаза воспитывает интерес к цвету, заставляет даже создавать «запас цвета» - яркой окраской деталей жилища... предметов быта в интерьере...» [Ткачев 1984: 107].

На фоне «популярности» цветообозначений выглядит удивительным практическое отсутствие специальных комплексных исследований цветоименований калмыцкого языка.

Красный цвет у калмыков символизирует счастье, силу, огонь, тепло. Поскольку красный цвет - цвет «сердца», то все его оттенки означают жизненную силу и вызывают глубокое уважение. Символические значения красного определяются «видом» крови: кровь животных, кровь убийства.

Все «красные вещи» разделяются на две категории, в зависимости от того, приносят они добро или зло. Но, независимо от своей валентности, все «красные вещи» обладают силой, т.к. кровь - сила, без нее человек умирает. Сила - главное значение красного и этим объясняется его роль в качестве магического средства. Существует и другой отождествляемый с красным цветом природный элемент - огонь, связанный с теплом и защитой от опасностей. Но следует отметить, что связь красного с кровью для человека более существенна, чем с огнем.

В сочетании с белым цветом красный составляет так называемую «жизнеутверждающую пару», символизирующую добрые силы, могущество, почет, власть и богатство. В паре с белым нивелируются отрицательные значения красного и, наоборот, сочетание красного и черного усиливает негативные стороны красного цвета, придает ему зловещий характер, и с точки зрения древней магии, символизирует злые силы.

В калмыцком языке цветоименование *улан* красный встречается часто, в сочетаниях, со следующими значениями: 1. красный, алый, румяный, например: *улан бек* - красные чернила; *улан эд* - красная материя; 2. употребляется как определение некоторых предметов и явлений, напоминающих чем-либо красный цвет, красноту, румянец, но переводимых на русский язык по-разному, например: *улан хол* - пищевод (букв. красное горло); *улан шавр* - краснозем; *улан чолун* - камень красного цвета; *улан хорха* - дождевой червь; *улан гол* - спинная артерия, *перен* - жизнь; *улан голднь кюрх* - задевать за живое, мучить, терзать; *улан загсна тюрси* - икра красной рыбы; *улан зандн* - красное сандаловое дерево; 3. в сочетании со словами, обозначающими людей, чаще детей или с названиями органов тела человека употребляется также в значении голый, например: *улан гар* - голые руки; *улан гарарн бярх* - брат (букв. хватать) голыми руками.

В малых жанрах устного творчества калмыков присутствует немалое количество примеров использования цветоименования красный *улан*:

Алтна оор улан менгн шарлж узгддг, сян кююня оор му кюн сян болж медгддг - посл. Возле золота медные (букв. красные) деньги кажутся желтыми, возле хорошего человека плохой человек кажется хорошим;

Улан уутыг уудль эс болж – загадка. Из красного мешка все черпают и черпают, но он не пустеет (*ухан* - мысли);

Улан тугл ясн хашад уята – загадка. Красный теленок привязан к костяной ограде (*келн* - язык);

Уул деер улан тугл уята – загадка. На горе привязан красный теленок (*зала* - кисточка на шапке);

Улан торгна бяядля, шикрин амтта – загадка. На вид красный, как шелк, на вкус сладкий, как сахар (*клубник* - клубника) [Калмыцкие пословицы и загадки 1982].

Орчлндг ор гурвн юн улан?

Суух нарна суюр улан,

Догин нохан - шюдн улан,

Сян залугин - ганзг улан.

Что в мире три красных?

Красны торока доброго молодца,

Красны глаза злой собаки,

Красен вид заходящего солнца.

Фразеологизмы с цветоименованием *улан* красный:

Улан голдан аря торх - еле остаться в живых.

Улан зандн ця - крепкий ароматный чай.

Улан махмудтан кюрх - обнищать.

Улан махч кююкд - нищие дети.

Улан хорха - (букв. красный червь (дождевой)) очень жадный человек.

Улан чирягарн узх - фраз. встретиться лицом к лицу.

Улан махн болтльн цокх - фраз. (букв. до красного мяса избить) жестоко избивать кого-либо до полусмерти [Фразеологический словарь калмыцкого языка 1990: 94-95].

В системе эпического цветообозначения лексема *улан* «красный» занимает значительное место и заключается в себе преимущественно положительную оценку предмета. Семантика и символика красного цвета получает отражение в следующих микроструктурах эпического текста:

1) названиях предметов сказочного мифического происхождения, а также объектов особого поклонения и почитания; названиях ритуальных действий и явлений: *илвин улан тулм* - волшебный красный тулум (ме-

шок), *тамин аср улан нюкн* - огромное красное отверстие ада, *улан хуврг* - монах из секты красношапочников, *Бумбин улан «ура»* - бумбайский священный красный клич «ура»;

2) названиях масти и окраски животных, в том числе тотемно-культурных: *тююкя улан чон* - матерый красный волк, *хурдн улан кюлг* - быстрый красный конь, *огтр улан цар* - куцехвостый красный вол;

3) названиях частей тела и внешнего облика: *улан хачр (халх, чиря)* - алые ланиты, красные румяные щеки, *энжюр улан элн* - нежная алая печень, *минт улан урл* - алые губы, *улан евдг* - красные колени;

4) названиях пищи, напитков, тканей, обуви, предметов хозяйственно-бытового назначения и растений: *балин (бал) улан арз* - темно-красная арза, *увьяр улан торгн* - узорчатый алый шелк, *улан торгн жола* - красный шелковый повод, *улан шар бичр* - красно-желтая ветка (сандала);

5) названиях природных объектов (стихий), а также фольклорного образа пути-дороги: *манр улан тоосн* - туманно-красная вихревая пыль, *Ханга улан энг (эрг)* - красный яр Хангая, *зам улан хаалг* - широкая дорога.

Слово *улан* «красный» является структурным элементом собственных имен богатырей, где оно выполняет функцию положительного эпитета: *Улан Хонгр*, *Хошун Улан баатр* (сын Хонгора), *Гунн Улан Шовишур* (сын Джангара). Прилагательное *улан* «красный» функционирует и в составе личных имен неприятелей Бумбайской страны: *Мал Улан баатр*, *Бадмин Улан баатр*, *Нярн Улан баатр* [Пюрбеев 1993: 63-64].

Приведенные примеры из различных малых жанров калмыцкого фольклорного наследия подтверждают особое значение красного цвета для создания и сохранения национально-культурной специфичности в построении картины мира кочевниками-калмыками. Красный цвет осознается как воплощение жизненной силы, поддерживая ассоциации с кровью и огнем.

Что касается традиционной цветовой символики, то она является общей для стран буддийского мира. Согласно буддийской цветовой картине мира, север - зеленый, юг - желтый, восток - голубой, запад - красный, центр - белый. Этот спектр используется в буддийской иконографии, особенно он важен в иконах типа мандалы, где изображается буддийская Вселенная и каждая из ее частей окрашивается в полагающийся ей по канону цвет. Эта символика цвета значительно расходится с символикой цвета в калмыцком героическом эпосе «Джангар».

В эпосе существует самостоятельная символика цвета. Например, юг обозначается желтым цветом, здесь находится благословенная страна Бумба, страна благополучия и гармонии, где живет Богдо Джангар. Желтый цвет также символизирует цвет буддийской, желтой религии. На севере живут все мангусы, злобные мифические существа, отсюда символ неблагоприятия и черного цвета. Сейчас невозможно с точностью реконструировать эволюцию картины цвета, но не вызывает сомнений, что палитра основных цветов, к которым относятся белый, черный, красный, желтый, синий, накладывается на всю национальную культуру калмыцкого этноса, является одним из элементов его традиционного мировоззрения. В любом случае, белый, черный, красный, желтый, синий цвета как знаки-символы несли значительную семантическую нагрузку в сложившейся картине цвета калмыцкого народа.

Для национальной культуры калмыков свойственно обостренное восприятие определенного цветового спектра, а также наделение некоторых цветов устойчивыми символическими характеристиками, которые формируют четкие семантические комплексы.

Актуальность работы по выявлению цветовой палитры калмыков обусловлена высокой частотностью употребления лексики цветообозначения, ее явной национально-культурной семантикой и значимостью для конструирования фрагмента языковой картины мира, а также отсутствием системных исследований по данному вопросу непосредственно на материале калмыцкого языка.

Категория цвета интересна для исследователей различных направлений тем, что проходит буквально через все уровни культуры народа в целом, возникнув на заре человеческого развития, она развивается вместе с этносом, претерпевает изменения, дополнения и смену символических наполнений. Однако же в практически нетронутом виде спектр основных цветов запечатлен в традиционной культуре народа, а именно, в его устном народном творчестве, на основании изучения которого делаются выводы о национальной специфичности восприятия данной категории картины мира.

Формирование цветообозначений, их жизнь в языке тесно увязаны с жизнью общества и людей: с особенностями быта, торговли, с развитием ремесел, техники, со сменой верований, обычаев, вкуса и моды.

Цвет может быть использован как качественная характеристика различных предметов и явлений окружающей действительности, цвет связан с человеческими эмоциями, проявлениями чувств, наконец, при помощи цветовой характеристики можно указать на социальный статус и общественное положение человека.

Роль цвета в жизни калмыцкого народа многозначна и многогранна, она вносит существенные дополнения в понимание калмыцкой культуры, в выделение сугубо национальных черт в характере народа, в его видении мира.

Список использованной литературы

1. Бардаев Э., Пюрбеев Г. Ц., Муниев Б. Фразеологический словарь калмыцкого языка. - Элиста, 1990.
2. Джангар. Калмыцкий героический эпос. На калмыцком и русском языках // Сост. Н. Ц. Биткеев, Э. Б. Овалов. Отв. редактор Г. Ц. Пюрбеев. - М., 1990.
3. Калмыцкие пословицы и загадки / Сост. Б. Д. Букшаев, И. М. Мацаков. - Элиста, 1982.
4. Пюрбеев Г. Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык. - Элиста, 1993.

5. Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. - Элиста, 1996.
6. Ткачев В. Н. Цвет и пространство в монгольской архитектуре // Народы Азии и Африки. - М., 1984. - № 3. - С. 107-113.
7. Тодаева Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». - Элиста, 1976.

ГЕНДЕРНЫЕ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Гусева М. А.

ГОУ ВПО «Армавирский государственный педагогический университет»

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Алимуратовым О. А. и к.ф.н., доц. Сердюковой Н. М.

В центре проблематики данной статьи стоит понятие языковой личности как индивида, обладающего определенным языковым сознанием и способностью к осуществлению коммуникативных действий в конкретных социальных условиях. Речевое поведение языковой личности находится под влиянием целого комплекса факторов социального и личностного плана, находящихся в состоянии взаимовлияния и взаимообуславливания. Удельный вес данных факторов различен, но учет каждого из них необходим для составления целостной картины вербального поведения языковой личности. Полагаем, что значительный отпечаток на вербальное поведение человека накладывает его гендерная принадлежность, обуславливающая специфические черты речевого поведения мужчин и женщин. Фактический языковой материал позволяет констатировать тот факт, что гендерный критерий носит промежуточный характер (ни чисто социальный, ни чисто личностный). Будучи лингвистически релевантным, он, однако, не может быть рассмотрен как абсолютный маркер мужского и женского языка.

Устойчивая тенденция к антропоцентризму, присущая современной лингвистической науке, позволяет рассматривать язык, как семиотическую систему, существование и организация которой соотносятся, прежде всего, с субъектом речи - человеком. Язык не может существовать вне *языкового сознания*, носителем которого является *языковая личность*, т.е. «человек, существующий в языковом пространстве - в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов» [Карасик 2002: 8]. Антропоцентрическая лингвистика изучает личность в ее способности к речевому мышлению, речевому общению и речевому поведению.

Язык - это явление социальное, которое объединяет всех членов культурно-лингвистического сообщества, характеризующегося единством ценностных установок и морально-этических норм. Язык, по выражению А. М. Пешковского, есть, прежде всего, сфера общепринятого, и правила порождения и восприятия речи одинаковы для всех без исключения носителей языка. Из этого следует вывод о наличии в языковой личности некоего *инварианта* (национальной составляющей), обеспечивающего возможность взаимопонимания носителей различных диалектов, социолектов т.д. Однако каждая отдельная личность на основе собственных переживаний и установок формирует в своем сознании индивидуальную картину мира. Согласно Д. Б. Гудкову «каждая языковая личность уникальна, обладает собственным когнитивным пространством, собственным знанием языка и особенностями его использования» [Гудков 2003: 49]. Таким образом, мы можем говорить о *вариативной составляющей* языковой личности, определенным образом характеризующей ее. Речь человека с неизбежностью отражает его внутренний мир, его индивидуальность. Однако, как отмечает В. В. Наумов, «взаимосвязь человека и языка отнюдь не исчерпывается оппозицией: хороший человек - правильная (корректная, нормативная) речь, плохой человек - неправильная (ненормативная речь)» [Наумов 2006: 7]. Незнание или неумение воспользоваться тем или иным языковым знаком для реализации своего коммуникативного намерения не говорит об ущербности языковой личности. Цельность и органичность языковой личности не зависит от уровня интеллекта, образования, нравственности и т.д. Способность индивида осуществлять речевую деятельность уже дает ему возможность ощущать себя «равным среди равных» [Наумов 2006: 18]. Таким образом, языковой коллектив, с одной стороны, и индивидуум, с другой стороны, являются носителями языкового сознания, которое находит свое воплощение в *речевом поведении*.

В самом общем смысле языковая личность рассматривается как субъект, способный осуществлять речевую деятельность. Однако различными авторами это понятие специфически конкретизируется. В зависимости от подхода к предмету изучения выделяются и типы языковых личностей.

Так, Ю. Н. Караулов под языковой личностью понимает «закрепленный преимущественно в семантической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного естественного языка, составляющий вневременную и инвариантную часть структуры речевой личности» [Караулов 1987: 42]. Автор отмечает, что языковая личность выступает носителем национального начала и культуры. Ту же мысль подчеркивает и В. И. Карасик, считая, что, по сути, языковая личность всегда национальна и принадлежит определенному лингвокультурному сообществу со свойственными ему сознанием и национальными стереотипами, которые языковая личность присваивает в процессе социализации [Карасик 2002]. Соответственно, в рамках *лингокультурологического подхода* уместно выделение типов языковой личности по оппозиции «свой - чужой»: 1) человек, говорящий на родном языке в естественной для него коммуникативно-культурной среде; 2) человек, для которого естественным является общение на чужом языке (люди, живущие в чужой стране; люди, пользующиеся языком международного общения в целях естественной коммуникации, и т.д.); 3) человек, который говорит на чужом языке в учебных целях, не относящихся к характеристикам естественной среды общения.